

И. В. Сталин и А. М. Горький.

Гравюра на дереве М. ПОЛЯКОВА.

Страничка из воспоминаний

Конiec левостных годов. Москва. Блестящий вечер в доме одного из московских «Медичинов». Избранное общество — писатели, артисты, актеры. Все элегантно одеты, мужчины почти все в черных сюртуках, некоторые — по моде сорочковых годов — в очень длинных и с подпираниями шквы красными воротниками. Ни одного резкого слова, ни грубого выражения, московские магнаты гордятся своим «джентльменством». Я вдруг среди этой народной толпы почувствовал, как во дворе, в синей рабочей блузе и высоких сапогах, — смелые манеры, открытый взгляд. Я удивилась такому необычайному посетителю и стала его разглядывать, но в это время поймала на себе его взгляд. Он что-то сказал хозяйке дома, она двинулась ко мне, а он зашел. Она любезно познакомила нас, прошептала, как водится, что-то невнятное место фамилии, и оставила нас. Он крепко тряхнул мою руку и воскликнул: — Чорт вас возьми! Я ошелела, не понимая, чем вызвало такое обращение, но мое смущение длилось не больше секунды, так как он тут же продолжал, дружелюбно улыбаясь: — Как вы здоровы? Перевели Сирано? Очень уж хорошо звучит: я думаю, не хуже, чем по-французски! — Что вы? — возразила я, еще не зная, с кем говорю: — ведь Роста — так вот переводчик, что с ним не сравнятся русскому переводчику! — Ну, и по-французски не знаю, а для русского уха, может быть, ваш перевод и приятнее звучит. Особенно это место у вас хорошо, когда Сирано говорит: — Мы все под ударами солоним И с солоним в крови поведем! Я смущалась, улыбаясь, почувствовала, что краснею, и не решилась сознаться ему, что у Роста никакого солоним в крови нет, что это моя выдумка. В те времена я передавала отголоски свободного, чем сейчас... Мы продолжали разговаривать, и я незаметно спрашивала себя, кто же он? У него было не красивое, но обращенное на себя внимание лицо: энергичные черты, довольно длинные волосы, спадавшие вольной прядью на лоб, ясные глаза под суровыми бровями, взгляд свободный и пронзительный, иногда освещавшийся милой улыбкой, пронзительной декоративной суровости обаяния. Кто-то подошел ко мне; молодой человек отошел в сторону. Я спросила моего знакомого: — Кто это такой?

Т. ШЕПКИНА-КУПЕРНИК

— Как? Вы не знаете его? Это Максим Горький! — был ответ. Конечно, я его знала! Давно ли появились его первые рассказы, — еще Чехов указал мне на них. От них точно свежим ветром повеяло в литературе. Хотел и очень богата тогда была наша литература, был Лив Толстой, жил и работал Чехов, писали Короленко, Куприн, Мамин-Сибиряк и много других, входила плеяда талантливых поэтов, — появление Горького сразу было отмечено, и сразу он занял свое место как первый современный пролетарский поэт.

Я вспоминаю его выражение в рассказе «Мальва» — «море смеялось». Этим духом слов было достаточно, чтобы понять его талантливость, как иногда бывает довольно одно слово, чтобы определить внутреннюю сущность человека. Вся критика обращала внимание на это выражение. Ни у одного писателя до тех пор я не встречала выражения, так динамически передающего впечатление от моря. Но интересно: несколько лет назад в письме Лине де-Ветт Шелет доп Хуана я нашла его. Писал он до сих пор не переведен на русский язык, а Горький в то время иностранным языкам не знал, так что не могло быть и речи о заимствовании, а в рассказе трихот лет два истинных поэта так перекинулись в своем восприятии моря.

Я сидела за ужином недалеко от Горького и деловито глядя на него, вспоминала того Роста, о котором он говорил с таким восхищением. Меня заняла мысль: а как бы отнесся Роста к Горькому, если бы мог читать его или видеть его? На дне? Понял бы он, оценил ли бы он его? Какие контрасты! Роста — изнеженный, хрупкий, женственный, сидит с рисунком Гаварни. И там как он в Париже пришел и там в вислоухие: в черной шелковой блузе с батистовым жакоб у ворота коротких брючках и черных шелковых чулках, и на голове шляпа «канотье», белая с светлоглазкой лентой. И это молодой богатырь в своей косоротке, — недаром ему были посвящены стихи:

Там, где торгует свободный Народился богатырь... Над рекою суздальской Народился богатырь...

Шелетил в цветной одежде.

Шелетил в мороз босым; Нависая степной преледе, А теперь зовут Максим.

Начало карьеры Роста: «Про ванс, розами богатый», роскошная видала. Начало карьеры Горького: Вода, жизнь виноградом, волжские гулакичи, «Мой университет»... Там — изысканный обиход, приемы, премьеры, поклоны Париза. Здесь — тюрьма, выселка, изгнание, приезд в Москву или Петербург, ночевки по знакомым... Надорванное всем этим здоровье...

Я думала о разнице судеб этих двух писателей. Я тогда еще не могла предвидеть, какие итоги дадут эти две жизни.

Чуткая молодежь любила Горького и старалась всячески доказать ему свою любовь. Поимно, как вскоре после этого вечера мы в Петербурге устраивали со студентами концерт в честь Горького (разумеется, с негалавной целью), и я прочла с эстрады стихи, посвященные ему. Я потеряла их, но хорошо помню, как бурно приветствовали последнюю строфу, в которой выражала уверенность, что Горького ждут и свобода и слава.

В 1906 году Горький был инициатором Нижегородского собрания в пользу сельских учителей. Он привнес туда теплое письмо с просьбой дать что-нибудь для собрания. Я охотно согласилась, зная, что раз это в руках Горького, то значит деньги пойдут в дело... Он был душой собрания и дал тогда пять своих вещей. В одной из них Горький говорил: «Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!»

Горький в свое время был для читателя больше, чем просто талантливый писатель; он был явным доказательством того, на что способен русский народ, какие силы таит в нем. От низов бедности, смрады и невежества он достиг вершин культуры духа, проломив всю толщу гнета и преследования.

Он писал: «Да здравствуют сильные духом, мужественные люди, которые служат истине, справедливости, красоте. Мы их не знаем, потому что они горды и не требуют награды». Он сам не требовал награды, но полностью получил ее еще при жизни, увидев осуществление многих своих мечтаний. А мне было радостно видеть, что сбылось мое давнишнее предсказание: он дожил и до славы и до свободы; — не только своей, но и своего народа. Он ушел, оплаканный этим народом.

ФИЛМ О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПИСАТЕЛЕ

Центральная студия документальных фильмов выпустила полнометражную документальную картину «Максим Горький» по сценарию Л. Никулина (режиссер С. Бурый, главный оператор А. Шафран).

Воспроизводя исторические места, связанные с именем Горького, фотографии, рукописи и книги, репродукции с картин и скульптур, кадры старой кинохроники, фильм повествует о жизни и деятельности любимого писателя.

Зритель видит дом деда Каширина на Успенском съезде в Нижнем-Новгороде, где протекали тяжелые детские годы Алексея Пенюкова, места, куда юный Горький уходил «за людьми, города, куда посылал Горький во время своего хождения по Руси. Зритель следит за этапами литературной деятельности писателя, узнает о последователях, каким Горький подвергался со стороны царской охранки. В картину монтированы снятые на пленку отрывки из пьес Горького в исполнении артистов МХАТ.

Особенно сильное впечатление производит документ о встречах Горького с Лениным и Сталиным. Горький горячо интересовался жизнью своей страны. Вот он на новостройках, в совхозе «Египет», в гостях у нефтяников Баку, у судостроителей, у красноармейцев.

В фильме показана разношерстная и кипучая деятельность А. М. Горького, его выступление на первом Всесоюзном съезде писателей. Вечер 1928 года. Крепкие пейзажи Крыма, где А. М. Горький проводил последние годы своей жизни. На столе в рабочем кабинете — выходящая страница «Клима Самгины»...

Горки под Москвой. Ночь под 18 июня 1936 года. Предсмертные слова Алексея Максимовича: «будут войны». Надо готовиться... не надо быть загнанным врагом».

Фильм заканчивается кадрами, показывающими похороны Горького, скорбь народа, провожающего в последний путь своего любимого писателя.

«ЯКОВ БОГОМОЛОВ» РАДИОПЕТАНОВКА ПЬЕСЫ А. М. ГОРЬКОГО

К 10-летию со дня смерти А. М. Горького литературно-драматический отдел Всесоюзного радиокомитета готовит радиоспектакль — пьесы из неоконченной пьесы «Яков Богомолов».

Черновая рукопись этой пьесы, опубликованной во II томе «Архива А. М. Горького», содержит три полных действия и часть четвертого.

В основных ролях радиоспектакля заняты актеры театра имени Горького — В. Якут, Л. Орланская, Л. Филейская, Е. Мессерер, Г. Винни, артистка Малого театра И. Лиско и артист ЦТКА А. Иванов. Постановка Льва Новикова.

ВЫСТАВКА «ТОЛСТОЙ И ГОРЬКИЙ»

Музей Л. Н. Толстого к 10-летию со дня смерти А. М. Горького организовал выставку «Толстой и Горький». На выставке будут представлены письма Толстого (средних много ранее опубликованных), его высказывания о Горьком, фотографии и другие документы.

А. М. Горький. Рисунок П. КОРНА. 1934 г.

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

3 сентября 1931 года я познакомился с Горьким. В этот день он посетил мою мастерскую.

18 октября 1931 года я по приглашению Алексея Максимовича выехал с ним за границу.

После трехмесячного проживания в Риме где-то ознакомился с замечательными произведениями великих мастеров итальянского искусства, я приехал в Сорренто.

Два месяца прожил я у гостеприимного хозяина виллы. День Горького проходил по точно установленному им режиму времени, который никак не нарушался. У Горького никогда не переводились гости. Здесь бывали писатели и художники, артисты и музыканты, ученые и русские моряки, огуливающие в Неаполе, советские люди различных профессий, случайно попавшие в город, расположенные вблизи Сорренто. Все они считали своим долгом заехать к Алексею Максимовичу.

За обедом, вечерним чаем и ужином обычно возникала беседа с гостями о литературе, искусстве. В 11 часов вечера Горький уходил к себе и прочитывал перед сном присланные ему на отзыв рукописи и книги молодых писателей.

Иногда вечерами садился играть в карты, или же Алексей Максимович обращался к жене своего сына с просьбой: «Тимоша, заведи музыку». Поставьте Грина, Сибелиуса, Алексея Максимовича также очень любил слушать Шалляпина. «Поставьте Федора», — говорил он, и с наслаждением слушал «Бориса Годунова» Стравинского, когда мы с супругой Шалляпина, Алексей Максимович пошел ко мне и сказал: — Знаете что, напишите-ка вы с меня портрет.

Я ответил: — Алексей Максимович, боюсь отнять у вас дорогое время и вас утомить, а портрет может не получиться.

— Ничего, ничего, попробуйте. — говорил писатель, — вы вернетесь в Россию с портретом Горького.

Я стал думать о портрете. После обеда сопровождал Горького на прогулку. Алексей Максимович шел, отряпывая на плечу, по тропинке, черной ели, к какому-то месту.

Во время этих прогулок — он повторялся часто — у меня сложилась композиция портрета. Вечером, когда Алексей Максимович сидел с гостями за столом, я зарисовывал Горького, чтобы уяснить форму и характер его лица. Всею я начал писать портрет. Обычно сценарии проходили между обедом и вечерним чаем, с трех до пяти часов. Алексей Максимович называл моего портрет, чувствуя, что разговор может отвлечь чужой труд. Он глубоко уважал чужой труд.

Когда я написал голову и показал Алексею Максимовичу, он сказал: — У вас есть свой почерк... Окло двух месяцев работал я над портретом, и когда я его закончил, он понравился Алексею Максимовичу.

Я видел Горького — мыслителя и борца за человеческую правду. Я видел Горького задумчивого, который, сутулясь, опираясь на ладку, шел по берегу Неаполитанского залива. Там, к его и изображал. В процессе работы над портретом, что ж, когда Алексей Максимовичу, что ж, когда он понравился Алексею Максимовичу.

Я видел Горького — мыслителя и борца за человеческую правду. Я видел Горького задумчивого, который, сутулясь, опираясь на ладку, шел по берегу Неаполитанского залива. Там, к его и изображал. В процессе работы над портретом, что ж, когда Алексей Максимовичу, что ж, когда он понравился Алексею Максимовичу.

Горький любил читать, любил искусство, любил в искусстве образ, идею. Ему было чуждо искусство, лишенное образа и большого внутреннего содержания.

А. М. Горький. Портрет работы П. КОРНА. 1932 г. Государственная Третьяковская галерея.

Горький любил средневековую скульптуру. Он восхищался скульптурой готических соборов. Однажды мы с Алексеем Максимовичем поехали в Неаполитанский музей, который писатель хорошо знал, когда еще жил на Капри. Он обратил мое внимание на картину неаполитанского художника XVI века Питера Брейгеля «Слепые». Алексей Максимович поражаюсь реализмом этой картины. Затем в античном отделе музея он подвел меня к бронзовой голове какого-то мейяры римской эпохи и сказал: — Смотрите, — как она реально и правдиво сделана.

Однажды мы беседовали о творчестве Микеланджело. Горький восхищался титаническим образом его «Моисея».

В другой беседе о современном искусстве Горький рассказывал мне о выдающемся финском художнике Галлене, с которым он был лично знаком. Алексей Максимович изобразил для своих произведений тему финского эпоса, и с увлечением они ссылали мне одну из его картин.

Горький любил русскую живопись, интересовался ею, посещал московские выставки.

Алексей Максимович часто вспоминал о своих встречах с Репиным и Серовым. Он верил в большое будущее русской живописи и говорил мне: — Нет на земле более талантливого народа, чем русский.

Однажды Алексей Максимович посетил выставку Нестерова. Ему очень понравился портрет девушки, умирающей от туберкулеза. Горький выразил желание приобрести эту картину. В конце 1935 года я был в Тессеи (Крым), и Алексей Максимович прислал мне фотографии Нестерова пролетать ему картину.

Вскоре я привез в Горки понравившийся Алексею Максимовичу портрет девушки, который повесил в рабочем кабинете писателя. И когда Горького как-то спросили, почему он держит в своей комнате такую скорбную картину, Алексей Максимович ответил: — Я никогда не видел, чтобы так была опозитирована смерть.

...Это было в Горках. Вечером к Алексею Максимовичу пришел гость. На стене, против стола висела картина Кустодиева «Купчиха».

Горький указывал на эту картину Кустодиева, сказал: — Вот вы, советские художники, учитесь, как надо писать!

Я ответил: — Учиться? Можно и лучше писать.

Гость иронически усмехнулся. Пришел Горький, и гость обратился к нему со словами: — Вот хотел дать совет молодому художнику, чтобы получился у Кустодиева, а он в ответ — можно и лучше писать.

Алексей Максимович посмотрел на кустодиевскую картину и сказал: — Да, у нас и получше напишут.

Почему так Горький ответил? Он видел в советском изобразительном искусстве плодотворные начала. Горький верил в большое будущее советского искусства, не любил нытья, был оптимистом, врагом всякой рутинности, сам шел вперед и увлекая за собой всех окружающих его.

Последняя моя встреча с Горьким состоялась 2 января 1936 года. Я приехал договариваться с Горьким о работе над новым его портретом. Уезжая в Севастополь, я зашел к нему попрощаться в рабочее время. Когда я вошел, Горький сидел за своим рабочим столом. Алексей Максимович, увидя меня, встал, крепко пожал руку и проговорил: — Ну, что ж, уезжаете? Я приеду в Москву в конце мая. Портрет будем писать в июне. Потом вместе поедем по Волге...

Я последний раз видел Алексея Максимовича.

Утром 18 июня 1936 года мне сообщили по телефону о его смерти. Тяжелой болью отозвалась в сердце эта весть. Я немедленно на машине приехал в Горки. Зашел в спальню. Алексей Максимович, очень пожелавший, лежал на постели в светлоглазкой рубашке. Я тут же сделал рисунок умершего Горького (этот рисунок хранится в Музее имени Горького).

В 1937 году по своим прежним эскизам я написал в Горках замечательный новый портрет Алексея Максимовича в рабочем кабинете.

В моем сердце сохранился светлый образ гениального художника и замечательного человека, гражданина-патриота, который всю свою чудесную жизнь отдал служению народу. Я свято храню в памяти и в сердце мудрые советы Алексея Максимовича Горького — великого учителя жизни.

Н. ПИКСАНОВ ГОРЬКИЙ И МУЗЫКА

Музыка, и прежде всего русская народная песня, окружала Горького еще в раннем детстве.

В семье Горького была высокая одаренная народная певица — его бабушка, Акулина Ивановна Каширина: она знала и умела проинтонировать исполнять много народных русских песен. Родной горлою Горького — Никанор, ныне носивший его имя, и старший Нижегородский край всегда были богаты народной песней.

Горький вспоминает о нем самом леве Никитишке, который часто забрел во двор Кашириных. Горький любил его слушать. Жадно слушал Алеша Пешков и, хорошее народное пение. В автобиографической повести «В людях» Горький рассказывает, как в отрочестве любил он бегать казарме около Петерской слободы, где хорошо пели донские казаки.

В иконописной мастерской, где служил мальчиком Алеша Пешков, мастерски пел живописец Капендиох.

В той же повести рассказывается о своеобразных сочинениях народных певцов в одном нижегородском трактире в 80-х годах прошлого века. «Лучше всех — и всегда как-то особенно хорошие песни — пел маленький, тонкий шорник Клемаев». «Голос у него был маленький, но неутомимый; он прошивал грудой, отменной гомо трактира серебряной струной, грустные слова, стоны и выкрики побеждали всех людей, — даже льдины становились удивительно серьезными, молда сморзли в стоны перед собою, а у меня — надрывалось сердце, переполненное моим шумом чувством, которое всегда будит хорошая музыка, чудесно казаясь глубин души. В трактире становилось тихо, как в церкви...»

Вскоре уже Горький сам управлял мальчиком хором. Один из друзей его юности, И. А. Картиковский, рассказывает, как проводил он с Горьким и другими юными приятелями летние вечера в Нижнем, на Звездном переулке. «Максимич и здесь являлся нашим учителем и руководителем. Он страстно любил пение и готов был петь бесконечно, забывавя все окружающее. Его настроение передавалось и нам... Пели исключительно грустные песни. Цели мы стройно и, должно быть,

недурно, потому что к обряду собирались публика, полнота слушала наше пение и обдаряла нас, маленьких певцов». Горькому тогда было около 14 лет.

Когда двадцатилетний Пешков служил сторожем на железной дороге, он выступал на вечеринках как сказитель-певец: «Нарочито выбирал протрагальные и красивые, а сказывал песни, стараясь обаять красотой слова и чувством, скрытую в них».

В детстве окружала Алешу культурная музыка. Обязанный посещать вечерние и обеденные мальчик слушал церковное пение. В Нижнем пел тогда знаменитый Рукавицкий-Сиверский церковный хор; двоюродный брат Горького, Саша Каширин, был в нем солистом.

Как и Чехов, молодой Горький любил слушать звон колоколов. В рассказе «Леодоход», описывая вечерние работы на Оке, против Нижнего, Горький вспоминает, как «звон звонки влетает колокольный звон, смитный расстоянием, возмущенный дуну». И здесь же добавляет: «стара, прилепившаяся на горе, поет колоколами всех колоколов, подытая в небо, как белая труба любимого мною органа в польском костеле». Отметим эту яркую и необычайную черту: любовь мальчика к органу.

«В людях» Горький рассказывает, как, ускользнув из церкви от всеобщей и бродя по улицам, он услышал однажды, в весеннюю рознь, — особенно, неведомую раньше, музыку — игру на виолончели... из казенной форточки окна, вместе с теплым паром, струился на улицу необыкновенный звук, точно кто-то очень сильный и добрый пел, закрыв рот; слов не слышно было, но песня показавшая мне удивительно знакомой и понятной, хотя слышать ее мешал струнный звон, доходило переливая течение песни. Я шел на тумбу, соображив, что это играет на какой-то скрипке чудесной мощности и невообразимой — потому что слышать ее было почти больно. Иногда она пела с такой силой, что, казалось, весь дом дрожит и гуляет стекла в окне. Капало с крыши, из глаза у меня тоже закапали слезы».

В отрочестве Пешков часто слушал игру на рояле в исполнении солистки по дому, красивой девушки, поставленной в каком-то театре, до такой степени забывая, что все мы хотели до слез. Впоследствии я убедился, что такой оперетки никогда не писал, и даже сам рассказчик не мог вспомнить ее содержание, созданного, видимому, экспромтом.

«Горький был от природы чрезвычайно музыкален», — писал Скиталец — обладатель большого музыкального таланта. Мне однажды пришлось быть в числе слушателей его разговора о музыке с знаменитыми музыкантами и композиторами мирового масштаба, — разговора, затянувшегося на несколько часов, в котором Горький обнаружил серьезное понимание и знание истории классической музыки, знание того, что, кроме природной музыкальности, он обладал и литературными знаниями в этой области.

В воспоминаниях композитора А. Спендиарова о встречах с Горьким в Крыму, в 1902 году, говорится, что у Горького в Олензе тогда бывали, наряду с интерпретаторами, также музыканты — Спендиаров, Рахмаинов, Шалляпин. «Музыку А. М. Горький любил. По его просьбе я, пригласив его к себе, всегда устраивал у себя концерты, да и устраивал квартетный вечер из солистов с симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов больше всего — квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотливо пел Шалляпин».

В 1912 году Горький познакомился с А. В. Неждановой. Тот год рассказывается в Автобиографии. Встреча с Горьким: «Июль — август 1912 года я проводила в Италии, на побережье Адриатического моря, в Римине, где бывала почти ежедневно... Среди русских, живших в это лето в Римине, был и Алексей Максимович Горький. Я не раз встречала его. Нас познакомили, и пригласила Горького к себе. В тот вечер он перу у меня собралось несколько москвичей, как всегда просят что-нибудь спеть, я пела русские романсы, спела и дьявольского «Соловья». Алексей Максимович слушал, закрыв глаза, был взволнован, из-под его опущенных

веки текли слезы. Просясь, он просил позволения прийти днем по вечерам моих занятий с профессором Мартыни. Он бывал у меня не раз, сидел на веранде, слушал пение, надрезанно о чем-то думал...». Когда в годы революции Алексей Максимович приехал в СССР, я неоднократно дружили с ним встречаясь».

В июле 1935 года, во время пребывания в Москве, Роман Роллан пожелал лично познакомиться с советскими композиторами и прослушать их новые произведения. Встреча состоялась на даче А. М. Горького. О ней рассказывал композитор Б. Шехтер. «В этот вечер в четгаре ружи с Белым» исполнил вторую часть своей 2-й симфонии. Неудачно сыграл несколько премюль Шостаковича и «Траурный марш» Метнера, Фейнберг — алжакю из своей сонаты, Книппер — «Полношк». Белый исполнил свою «Песню о партизанке». Беллик — «Аллею о Котовском». Коротко отрывок из сюиты «Пиль Улейшигелле». Отрывки из своей оперы «1905-й год» и вторую часть «Туркменского сюиты» сыграл и я».

«Темой нашей беседы с Горьким, — вспоминает Б. Шехтер, — явился вопрос о народности в музыке, о связи композитора с народным творчеством. Алексей Максимович настаивал советовал композиторам искать в области народного творчества героические сюжеты, черпать темы для оперных либретто в русском богатом эпосе, ярко отражающем героическое прошлое русского народа. Шехтер ответил, что в области народного творчества есть много прекрасного. Горький ответил, что в области народного творчества есть много прекрасного. Горький ответил, что в области народного творчества есть много прекрасного.

«Горький был от природы чрезвычайно музыкален», — писал Скиталец — обладатель большого музыкального таланта. Мне однажды пришлось быть в числе слушателей его разговора о музыке с знаменитыми музыкантами и композиторами мирового масштаба, — разговора, затянувшегося на несколько часов, в котором Горький обнаружил серьезное понимание и знание истории классической музыки, знание того, что, кроме природной музыкальности, он обладал и литературными знаниями в этой области.

В воспоминаниях композитора А. Спендиарова о встречах с Горьким в Крыму, в 1902 году, говорится, что у Горького в Олензе тогда бывали, наряду с интерпретаторами, также музыканты — Спендиаров, Рахмаинов, Шалляпин. «Музыку А. М. Горький любил. По его просьбе я, пригласив его к себе, всегда устраивал у себя концерты, да и устраивал квартетный вечер из солистов с симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов больше всего — квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотливо пел Шалляпин».

В 1912 году Горький познакомился с А. В. Неждановой. Тот год рассказывается в Автобиографии. Встреча с Горьким: «Июль — август 1912 года я проводила в Италии, на побережье Адриатического моря, в Римине, где бывала почти ежедневно... Среди русских, живших в это лето в Римине, был и Алексей Максимович Горький. Я не раз встречала его. Нас познакомили, и пригласила Горького к себе. В тот вечер он перу у меня собралось несколько москвичей, как всегда просят что-нибудь спеть, я пела русские романсы, спела и дьявольского «Соловья». Алексей Максимович слушал, закрыв глаза, был взволнован, из-под его опущенных

шесть не каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда, с гордостью, может быть, навной, дужки есть вот какие чудеса могут делать люди».

Горький любил музыку Бетховена. В 1917 году он убеждал Р. Роллана написать биографию Бетховена для юношества в задуманной Горьким серии. Задача серии была внушить молодежи любовь и веру в жизнь, «зачувствуй людей героизму».

Нетого и говорить, что Алексей Максимович отлично знал русскую классическую музыку.

Мы знаем, как горячо любил Горький и народную музыку. Неприятным врагом и презрением Горького вызвала музыка мещан, «музыка толстух». Гневно отвергая эту гнилую «музыку толстух» и всю гнилую культуру мещанства, Горький говорил о своей высокой мечте о «горсточек музыке всемирного труда великих и маленьких людей», о «прекрасной песне новой истории — прекрасной песне, которую надо так смело трудовой народ моей родины».

Горький музыковед в своем творчестве. Чуткий Чехов, познакомившись с ранними рассказами Горького, писал ему в 1899 году: «Ваша великая музыкальность». В наше время А. В. Луначарский сказал о Горьком: «Он несомненно — музыкант прозы».

Действительно, художественные произведения Горького, начиная с ранних музыкальных, ритмичны, насыщены. В молодости Горький писал много стихов, затем им долго владела ритмическая проза. У Горького немало совершенных по форме лирических и патетических стихотворений и стихотворений в прозе. Композиторский слух писали музыку на его тексты и на сюжеты его лучших прозаических произведений: композитор В. Желобинский создал оперу «Мать», композитор А. Касьянов — оперу «Фомка Гордеев».

С детства впитавший в себя русские народные песни, Горький все свое творчество наполнил их отголосками. Чем больше мы изучаем Горького, тем больше поражает богатством и сложностью его духовной культуры, которая всегда была неразрывно связана с музыкой, с мелодическими сокращениями, созданными нашим народом, справедливым гордящимся своим великим сыном.

«Горький был от природы чрезвычайно музыкален», — писал Скиталец — обладатель большого музыкального таланта. Мне однажды пришлось быть в числе слушателей его разговора о музыке с знаменитыми музыкантами и композиторами мирового масштаба, — разговора, затянувшегося на несколько часов, в котором Горький обнаружил серьезное понимание и знание истории классической музыки, знание того, что, кроме природной музыкальности, он обладал и литературными знаниями в этой области.

В воспоминаниях композитора А. Спендиарова о встречах с Горьким в Крыму, в 1902 году, говорится, что у Горького в Олензе тогда бывали, наряду с интерпретаторами, также музыканты — Спендиаров, Рахмаинов, Шалляпин. «Музыку А. М. Горький любил. По его просьбе я, пригласив его к себе, всегда устраивал у себя концерты, да и устраивал квартетный вечер из солистов с симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов больше всего — квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотливо пел Шалляпин».

В 1912 году Горький познакомился с А. В. Неждановой. Тот год рассказывается в Автобиографии. Встреча с Горьким: «Июль — август 1912 года я проводила в Италии, на побережье Адриатического моря, в Римине, где бывала почти ежедневно... Среди русских, живших в это лето в Римине, был и Алексей Максимович Горький. Я не раз встречала его. Нас познакомили, и пригласила Горького к себе. В тот вечер он перу у меня собралось несколько москвичей, как всегда просят что-нибудь спеть, я пела русские романсы, спела и дьявольского «Соловья». Алексей Максимович слушал, закрыв глаза, был взволнован, из-под его опущенных

«Горький был от природы чрезвычайно музыкален», — писал Скиталец — обладатель большого музыкального таланта. Мне однажды пришлось быть в числе слушателей его разговора о музыке с знаменитыми музыкантами и композиторами мирового масштаба, — разговора, затянувшегося на несколько часов, в котором Горький обнаружил серьезное понимание и знание истории классической музыки, знание того, что, кроме природной музыкальности, он обладал и литературными знаниями в этой области.

В воспоминаниях композитора А. Спендиарова о встречах с Горьким в Крыму, в 1902 году, говорится, что у Горького в Олензе тогда бывали, наряду с интерпретаторами, также музыканты — Спендиаров, Рахмаинов, Шалляпин. «Музыку А. М. Горький любил. По его просьбе я, пригласив его к себе, всегда устраивал у себя концерты, да и устраивал квартетный вечер из солистов с симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов больше всего — квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотливо пел Шалляпин».

В 1912 году Горький познакомился с А. В. Неждановой. Тот год рассказывается в Автобиографии. Встреча с Горьким: «Июль — август 1912 года я проводила в Италии, на побережье Адриатического моря, в Римине, где бывала почти ежедневно... Среди русских, живших в это лето в Римине, был и Алексей Максимович Горький. Я не раз встречала его. Нас познакомили, и пригласила Горького к себе. В тот вечер он перу у меня собралось несколько москвичей, как всегда просят что-нибудь спеть, я пела русские романсы, спела и дьявольского «Соловья». Алексей Максимович слушал, закрыв глаза, был взволнован, из-под его опущенных

«Горький был от природы чрезвычайно музыкален», — писал Скиталец — обладатель большого музыкального таланта. Мне однажды пришлось быть в числе слушателей его разговора о музыке с знаменитыми музыкантами и композиторами мирового масштаба, — разговора, затянувшегося на несколько часов, в котором Горький обнаружил серьезное понимание и знание истории классической музыки, знание того, что, кроме природной музыкальности, он обладал и литературными знаниями в этой области.

В воспоминаниях композитора А. Спендиарова о встречах с Горьким в Крыму, в 1902 году, говорится, что у Горького в Олензе тогда бывали, наряду с интерпретаторами, также музыканты — Спендиаров, Рахмаинов, Шалляпин. «Музыку А. М. Горький любил. По его просьбе я, пригласив его к себе, всегда устраивал у себя концерты, да и устраивал квартетный вечер из солистов с симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов больше всего — квартет Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотливо пел Шалляпин».

В 1912 году Горький познакомился с А. В. Неждановой. Тот год рассказывается в Автобиографии. Встреча с Горьким: «Июль — август 1912 года я проводила в Италии, на побережье Адриатического моря, в Римине, где бывала почти ежедневно... Среди русских, живших в это лето в Римине, был и Алексей Максимович Горький. Я не раз встречала его. Нас познакомили, и пригласила Горького к себе. В тот вечер он перу у меня собралось несколько москвичей, как всегда просят что-нибудь спеть, я пела русские романсы, спела и дьявольского «Соловья». Алексей Максимович слушал, закрыв глаза, был взволнован, из-под его опущенных